

17 ИЮЛ 1980

ЛИЖ

ТОЛЬКО В ПОЛНЫЙ ГОЛОС

Коридоры театра... Доводилось ли вам проходить коридорами театра, где в яблоневом цветении застыли картонные деревья? Где шелковые розы алеют на бумажных ветках и чинно выстраиваются в ряд витые лесенки, балконы и арки в гипсовых завитках и позолоте? А в приоткрытой двери мелькают фигуры в трико, упрямо отрабатывающие одно и то же па? Это театр живет своей обычной, трудовой, тайной для зрителя жизнью, для того, чтобы завтра, после третьего звонка, медленно взмыл над сценой занавес, прозвучали первые аккорды и наступил праздник. Праздник, в котором эти розы будут для нас живыми, балконы повиснут в сумерках ночных улиц, а балерины, счастливо и невесомо, возникнут из музыки, как из морской пены, как будто ничего и не зная о долгих часах и месяцах бесконечных репетиций...

Но мы с вами на мгновение приоткроем занавес, пройдем этими коридорами по узким затемненным лесенкам, к той самой двери, откуда доносится музыка, и подсмотрим, как рождается праздник.

— Опять полным голосом, Вагиф! Ведь послезавтра спектакль, побереги связки... Высокий, темноволосый Хозе вздрагивает, замолкает и обводит глазами вольных пиринейских контрабандистов, вдруг снова ставших артистами оперной труппы Азербайджанского государственного театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова.

— Ты ведь знаешь, Кязим, я не могу вполсилы...

Идет последняя спевка «Кармен» у дирижера, заслуженного деятеля искусства республики Кязима Аливердибекова. «Кармен» — с нее в ноябре 1977 года начался новый этап театральной биографии Вагифа Керимова. И сегодня Хозе остается главной партией в его репертуаре.

Но если обратиться к истокам, если с самого начала проследить процесс становления того единства, которое воплощает в себе Керимов-певец и Керимов-актер, то надо вспомнить майский день 1974 года и маленький розовый Бетховенский зал Большого театра, Стро-

гое жюри решало, кто из претендентов поедет в тот год в Италию, в знаменитый миланский театр Ла Скала.

— К заключительному туру нас пришло пятеро, — вспоминает Вагиф, — как я пел, от волнения не помню. В Милан поехали вместе с киевлянином Анатолием Кочергой, москвичкой Валентиной Шербининой и Матти Пальмом из Таллина. Но особенно повезло мне — послали сразу на два сезона.

Всемирной академией оперного искусства называют Ла Скала, Вагиф приехал в ноябре 75-го, к открытию оперного сезона, который по традиции становится праздником всей Италии. В торжественном параде по миланской площади проходила национальная гвардия, артистов приветствовал президент республики, толпы восторженных зрителей бурлили на улицах, и, пожалуй, тогда-то и появилось у Вагифа это приподнятое, торжественно-праздничное отношение ко всему, что связано с театром.

— Что первое вы спели в Италии?

Вагиф смеется: «Упражнения. А потом выучил 9 партий: в «Тоске», «Кармен», «Фаусте», «Риголетто»... Обездлал всю Италию, маленький городок Пьяченца, неподалеку от Милана, даже вручил мне медаль «Лучшему тенору 1976 года». Я пел там в дуэте с японкой Юкио Марояма, сейчас она солистка «Метрополитен-опера».

Но самые прекрасные воспоминания о родине Верди — Парме. Это был особый концерт, весь сбор от него шел в помощь жертвам страшного землетрясения в северной Италии. В первом отделении пели звезды итальянской оперы — Паворотти, Капуччили, Френи. А во втором на сцену вышли мы — стажеры Ла Скала. Мне редко доводилось слышать, чтобы люди пели с таким воодушевлением, с такой полной отдачей. Это было большое, общее дело, мы ощущали себя единым целым с залом, и в какие-то минуты эта атмосфера бескорыстного, благородного порыва напомнила мне родину.

Вагифу доводилось ездить немало. Только в прошлом месяце он вернулся из Рубинии, где пел в «Тоске» и

«Риголетто». Ежегодно он совершает турне с сольными концертами по нашей стране, в составе творческой делегации республики выступал в Ташкенте, в Кишиневе пел в «Чио-Чио-сан» с Марией Енешу, когда-то первой заметившей талант тогда еще никому неизвестного юного бакинца и рекомендовавшей его жюри на стажировку в Италию.

Сегодня талант и мастерство Вагифа Керимова — в расцвете. Солист бакинской оперы, преподаватель Азгосконсерватории им. Уз. Гаджибекова, он уже вправе говорить о своем месте в оперном искусстве Азербайджана и о своем прочтении самого существа понятия: артист музыкального театра.

— А это очень сложно, именно сейчас, когда понятие «певец театра» претерпевает трансформацию как с точки зрения искусствоведов, так и в сознании публики, — мгновенно откликается Вагиф. — Если во времена Карузо оперная партия была статична, от пения требовалось лишь искусство вокала, а не создание образа, то сегодня певец обязан передать характер и чувства персонажа. Певец сливается с актером, и недаром Марио дель Монако утверждал, что даже на сольных концертах певец не должен забывать о характере персонажа, о том, что мы, певцы, на своем закулиском языке называем «драматизмом». За рубежом, правда, существуют разные точки зрения на этот счет, но у нас, в советском театральном искусстве, лучшие исполнители стремятся к органическому единству драматического воплощения и вокала, ибо только так, вокальным мастерством и артистизмом, можно достичь того, что в Италии называют «бельканто» в современном значении этого термина.

Что же касается самого Вагифа, то он пока считает себя молодым исполнителем:

— Я в долгу перед республикой, сделавшей для меня так много, в долгу перед комсомолом, поддерживавшим меня на всем протяжении моей еще очень недолгой театральной биографии. И главной своей наградой сегодня считаю Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ,

которой был удостоен в прошлом году. С радостью участвую во всех фестивалях и конкурсах молодой песни.

...Счастливое, радостное искусство музыкального театра. Если бы знал каждый зритель, наслаждающийся свободным полетом балерины над пространством сцены, великолепием голоса, заполняющего зал, какой неимоверный труд стоит за кажущейся легкостью и свободой. И как надо любить свое дело, чтобы из года в год постоянно шлифовать свое мастерство, как сложно и радостно передавать его юным.

В консерватории, на кафедре вокала Керимов работает год. Занимаясь с двумя своими учениками, он использует и ту методику, которой его самого учили в Италии Каррозио и Гальяни.

— Трудно?

— Невероятно трудно, — признается Вагиф. — Но ведь это тоже мой долг. Не затем же республика послала меня на двухгодичную стажировку, чтобы мои знания остались лишь со мной. Пока еще рано говорить о результатах, но ребята способные, и работать нам интересно. Будущее покажет...

Будущее — категория диалектическая. Для юноши и девушки с подготовительного отделения Азгосконсерватории, сегодняшних и пока единственных учеников Вагифа Керимова, будущее — это несколько лет учебы в консерватории и далеко впереди — заветная, театральными огнями брезжущая мечта — сценические дебюты. Для Вагифа будущее — это работа над классикой: Ленским в «Онегине», Германом в «Пиковой даме»; сложнейшие партии, доступные лишь зрелым, опытным мастерам. А ближайшее будущее — это очередной спектакль, самая первая и самая любимая на сегодня партия Хозе. И сейчас он уже снова живет в знойных пиринейских горах, на белых площадях Севильи. Он уже отрешен и собран, и слышит в трагических раскатах мелодии под сводами зала непобедимый, величественный и прекрасный голос судьбы. Скоро, скоро раздвинется занавес, и ему навстречу выйдет Кармен...

Л. ГАДЖИЕВА.